

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Бугровой Екатерины Дмитриевны

«“Трудное наследие” как ресурс культурно-познавательного туризма»,
представленную на соискание ученой степени кандидата культурологии
по специальности 5.10.1 – Теория и история культуры, искусства

На сегодняшний день феномен «трудного наследия» прочно инкорпорирован как в пространство гуманитарного знания в целом, так и в предметные границы отдельных мемориальных исследовательских дискурсов, таких, например, как «trauma studies». Однако его практическое освоение, попытки мемориализации и определения содержательных черт начались почти 80 лет назад и приходится на первое послевоенное (Вторая Мировая война) десятилетие – время, когда концлагеря Аушвиц и Биркенау были превращены в музей, когда открылся мемориальный комплекс Яд ва-Шем в Иерусалиме, когда стали появляться первые научные и публицистические работы, осмысляющие новый тип памяти и новый тип наследия.

«Трудное наследие» оказалось «трудным» исследовательским полем, порождавшим и порождающим горячие научные дискуссии относительно его сущности, феноменологического статуса и терминологического оформления. В современных мемориальных исследованиях разные ученые по-разному отвечают на вопрос – к какому смысловому полюсу тяготеет данное понятие и в контексте каких категорий его следует рассматривать: как объект мемориализации, музеефикации, социальной психологии, туристического дела, идентичности и пр. Тем важнее, на мой взгляд, появление исследований, который вносят свой вклад в теоретическое обновление и методологическое обогащение подобного рода дискуссий, обосновывают правомерность новых ракурсов изучения «трудного наследия», помещая его в «свежие» социокультурные и исторические контексты.

Это в полной мере относится и к диссертационной работе Е. Д. Бугровой, обладающей обоснованной актуальностью и научной значимостью. Екатерина Дмитриевна, как можно судить по разнообразию представленных в работе источников как российских, так и зарубежных авторов, использует теоретические, методологические, инструментальные ресурсы самых разных научных дисциплин (от истории до музеологии), оставаясь при этом в четком культурологическом фокусе.

Цель диссертации (комплексное исследование объектов «трудного наследия» как значимого ресурса культурно-познавательного туризма и фактора сохранения культурно-исторической памяти) соответствует объектно-предметной области и содержанию работы.

Научная новизна исследования определяется обоснованием и апробацией культурологического подхода к осмыслению феномена «трудного наследия», определением феноменологического и структурно-институционального места и роли трудного наследия в условиях актуальных социокультурных реалий, выработкой стратегий репрезентации «трудного наследия» в контексте культурно-познавательного туризма.

Результаты исследования, представленные в диссертации, значимы, достоверны и проверяемы. Высокая степень достоверности результатов работы подтверждается их апробацией в 15 публикациях, из них 7 работ – в рецензируемых научных журналах, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом Уральского федерального университета, из них 4 – в изданиях, входящих в международные базы цитирования WoS, Scopus.

Положения, выносимые на защиту, являются обоснованными, новыми, свидетельствующими о существенном вкладе Е. Д. Бугровой в разработку проблематики «трудного наследия» как ресурса культурно-познавательного туризма и шире – как актуального мемориального феномена.

В целом формализованная часть исследования Е. Д. Бугровой не вызывает вопросов. Единственный момент, нуждающийся в некотором прояснении – это формулировка предмета («стратегии репрезентации

объектов “трудного наследия”»). На мой взгляд, использование понятия «репрезентация» подразумевает не только уточнения ее объекта (что репрезентуется), но и ее среды (где репрезентуется).

Первая глава диссертации Е. Д. Бугровой, «Теоретико-методологические подходы к изучению культурной памяти», посвящена концептуализации феномена «трудное наследия», а также обоснованию специфики культурологического подхода к его изучению в целом и в контексте культурно-познавательного туризма в частности.

Первый параграф первой главы «Культурная память как предмет культурологического исследования» содержит анализ существующих концепций культурной памяти. Рассматривая теоретико-методологические подходы А. Варбурга, М. Хальбвакса, Ф. Бартлетта, Дж. Олика, П. Хаттона, Д. Лоуэнталя, Я. Ассмана, П. Нора и других, автор приходит к выводу о том, что, во-первых, концепт коллективной памяти охватывает разнообразные социальные формы, пространства и практики – начиная от индивидуальных воспоминаний и заканчивая стандартизированными формами поддержания традиций. А, во-вторых, о том, что современное наследие как пространство консервации, транспонирования и объективации культурной памяти перестает ассоциироваться исключительно с возвышенным и высокой культурой, изменяется и становится материальным воплощением памяти, знаком, относящимся к прошлому, – и такая трансформация позволяет сегодня говорить о разных типах культурного наследия, в частности, о «трудном наследии».

Во втором параграфе первой главы «“Трудное наследие” в контексте анализа проблем сохранения культурно-исторического наследия» Е. Д. Бугрова обращается к изучению международного опыта (прежде всего, к деятельности ЮНЕСКО) по определению и операционализации понятия культурного наследия, выработке форм его защиты, исследования, актуализации. В параграфе также представлен развернутый анализ существующих авторских концепций, касающихся феномена «трудное

наследие». Екатерина Дмитриевна приводит интересный и содержательный обзор, позволяющий увидеть эволюцию ключевых трендов интерпретации понятия «трудное наследие». В конце параграфа автор предлагает собственное определение «трудного наследия» как наследия, вызывающего определенные противоречия в локальном сообществе относительно необходимости его репрезентации и коммодификации, а также смешанные эмоции, но при этом располагающего к рефлексии относительно прошлого, настоящего и будущего.

В третьем параграфе первой главы «Концепты “трудное наследие” и “места памяти” в структуре изучения культурно-познавательного туризма» освещается роль объектов «трудного наследия» в контексте культурно-познавательного туризма. Автор детально анализирует специфику культурно-познавательного туризма на основе различных теоретико-методологических подходов как российских, так и зарубежных ученых. Кроме того, Е. Д. Бугрова рассматривает возможности освоения «трудного наследия» в контексте «темного», ностальгического, патристического, индустриального и руинного туризма. К сожалению, заявленная в названии параграфа концепция мест памяти П. Нора, не была детально проработана автором. Уместным в контексте логики параграфа было бы обращение к концепции узлов памяти, сформулированной М. Ротбергом, Д. Саньяла и М. Сильверманом. Кроме того, на мой взгляд, Екатериной Дмитриевной не вполне убедительно были построены логические, содержательные, функциональные и иные связи между феноменами места памяти и «трудным наследием».

Вторая глава диссертации «Стратегии репрезентации объектов “трудного наследия” в туризме» позволяет оценить ведущие способы репрезентации «трудного наследия» в культурно-познавательном туризме.

Так, в первом параграфе второй главы «Коммеморация как ведущая стратегия репрезентации “трудного наследия”» коммеморация рассматривается как ведущий метод репрезентации объектов «трудного

наследия» в культурно-познавательном туризме. На многочисленных примерах (музеи и мемориалы, посвященные событиям Первой и Второй Мировых войн, Холокосту, техногенным катастрофам, массовым эпидемиям и др.) автор убедительно показывает, каким образом осуществляется процесс коммеморации «трудного наследия» как в России, так и за рубежом, каким образом (и содержательно, и инфраструктурно) формируется и поддерживается потенциал туристической привлекательности такого рода коммеморативных объектов.

Во втором параграфе второй главы «Музеефикация “мест памяти”» рассматриваются такие стратегии репрезентации объектов «трудного наследия» в культурно-познавательном туризме, как экспонирование, консервация и перемещение. Под экспонированием автор понимает адаптацию объектов наследия к их публичной демонстрации; под консервацией — сохранение объекта в его исходном виде, с минимальным вмешательством; под перемещением — релокацию аутентичных объектов «трудного наследия», необходимую в случае невозможности сохранения их на первоначальном месте ввиду риска утраты, либо, когда это способствует повышению доступности этих объектов для широкой аудитории. Проанализированные стратегии, с одной стороны, способствуют повышению туристической привлекательности объектов «трудного наследия», их популяризации и актуализации, а, с другой — несут в себе потенциальную угрозу нарушения аутентичности и ауратичности таких объектов, которые, будучи извлеченными из исходной среды обитания, теряют с ней не только предметную, но и символическую связь.

Реадаптация, инсценировка, копирование и эмуляция как стратегии репрезентации объектов «трудного наследия» анализируются в третьем параграфе второй главы — «Проблемы аутентичности в репрезентации объектов “трудного наследия” в культурно-познавательном туризме». На базе конкретных мемориальных объектов и комплексов Е. Д. Бугрова демонстрирует специфику каждой из обозначенных стратегий. Так, под

эмуляцией она понимает совокупность приемов по восстановлению утраченной (полностью или частично) минувшей реальности, позволяющих «ностальгирующим туристам» пережить личный прошлый опыт или переосмыслить его. Инсценировка, близкая по сути к эмуляции, основана на игровых приемах репрезентации прошлого, его реконструкции, воссоздании «живой истории». Реадаптация, как указывает автор, позволяет привести в соответствие с современными потребностями объекты, которые без адаптации к новым условиям с высокой долей вероятности исчезли бы. Копирование подразумевает создание реплик объектов прошлого, утраченных полностью или недоступных для туристического созерцания.

Данные стратегии имеют как свои неоспоримые преимущества в популяризации мест памяти «трудного прошлого», так и недостатки, сводимые к их чрезмерной коммерциализации и «диснейфикации».

Заключение диссертации содержит основные выводы о проделанной исследовательской работе, а также пунктирно намечает перспективы ее дальнейшего развития.

Констатируя несомненный факт зрелости, самостоятельности и законченности диссертационного исследования Е. Д. Бугровой, одновременно признаем, что некоторые моменты остаются непроясненными или спорными, на взгляд оппонента. В ходе научной дискуссии хотелось бы получить ответы на следующие вопросы и замечания.

1. В качестве ключевого, системообразующего для диссертации понятия выступает понятие наследия. Это подтверждается формулировками темы, объекта, предмета и цели исследования. Однако, судя по структуре первой главы, такую роль на себя берет категория культурной памяти, фигурирующая и в названии главы, и являющаяся предметом интереса Е. Д. Бугровой в рамках первого параграфа. Хотелось бы уточнить, почему автор избрал такую логику теоретических изысканий, оставив за рамками диссертации рассмотрение феномена наследия и попытки его

концептуализации в одном из параграфов первой главы. На мой взгляд, такое движение исследовательской мысли было бы более обоснованным и рациональным.

2. На основании изучения опыта научной интерпретации феномена «трудное наследие» автор предлагает собственное определение данного понятия, трактуя его как «наследие, вызывающее определенные противоречия в локальном сообществе относительно необходимости его репрезентации и коммодификации, а также смешанные эмоции, но при этом располагающего к рефлексии относительно прошлого, настоящего и будущего». В тексте диссертации приводится также и определение «трудного наследия», автором которого является Ш. Макдональд: «Трудное наследие — это прошлое, которое признается значимым в настоящем, но также оспариваемым и неудобным для общественного примирения с позитивной, самоутверждающейся современной идентичностью». В чем, на взгляд Екатерины Дмитриевны, принципиальная новизна и эвристичность ее, авторского определения по сравнению с определением Ш. Макдональда?

3. Каковы, на взгляд автора диссертации, операциональные признаки понятия «трудного наследия», позволяющие исследователю выделить данный феномен из ряда других мемориальных явлений? Что именно (какие факторы, признаки) делает наследие «трудным»? Иными словами, как, изучая мемориальные феномены, понять, где пролегает граница, например, между травмирующим прошлым и «трудным наследием»? Или «трудным» и мортальным (места захоронения) типами наследия?

4. Как, на взгляд автора, соотносятся такие феномены, как места памяти и «трудное наследие»? К сожалению, в тексте диссертации не прояснена их иерархическая связь (иногда автор упоминает «трудное наследие» как частный случай мест памяти, иногда — как равнозначные понятия).

5. Чем российские стратегии коммеморации «трудного наследия» отличаются от зарубежных? Какие существуют в современной России

«рабочие» программы, локальные акты и иные программные документы, регламентирующие государственную культурную политику памяти в сфере «трудного наследия»?

Данные вопросы и замечания носят дискуссионный характер и не снижают общего положительного впечатления от диссертации Е. Д. Бугровой.

Работа Бугровой Е. Д. отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям культурологического профиля, имеет важное значение для последующих исследований мемориальных феноменов.

Диссертация **Бугровой Екатерины Дмитриевны** ««Трудное наследие» как ресурс культурно-познавательного туризма» соответствует паспорту специальности 5.10.1. – Теория и история культуры, искусства; соответствует критериям, изложенным в п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней в УрФУ». Соискатель **Бугрова Екатерина Дмитриевна** достойна присуждения ученой степени кандидата культурологии по специальности 5.10.1 – Теория и история культуры, искусства.

Официальный оппонент:

Шуб Мария Львовна

доктор культурологии по
специальности 5.10.1 Теория и история культуры, искусства
(ранее 24.00.01 — теория и история культуры),
доцент,

профессор кафедры философии и культурологии
ФГБОУ ВО «Челябинский государственный институт культуры.»

Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а

(351) 263-89-32; (351) 268-95-22

info@chgaki.ru , rector@chgaki.ru

Тел.: +7 961 795 01 97

Email: shubka_83@mail.ru

